

“Я НЕ ВЕРЮ, ЧТО ВСЕ ОКОНЧИТСЯ ПЛОХО, ЭТО БЫЛО БЫ СЛИШКОМ НЕСПРАВЕДЛИВО...”: К БИОГРАФИИ АРХЕОЛОГА Г.И. БОРОВКИ

(по материалам следственного дела)

© 2019 г. Е.Г. Панкратова (Застрожнова)

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

E-mail: pankratova0484@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.08.2018 г.

Начало 1930-х годов в истории отечественной археологии ознаменовано усилением идеологического контроля в науке, чистками и репрессиями научного состава ленинградских учреждений по “Академическому делу” (1929–1930 гг.). Одним из многих безвинно осужденных стал скифолог, научный сотрудник Эрмитажа и Государственной академии истории материальной культуры Г.И. Боровка. На основании недоступных ранее материалов из Архива Управления ФСБ был восстановлен следственный процесс по вынесению Г.И. Боровке обвинения в шпионаже и осуждению его на 10 лет пребывания в исправительно-трудовых лагерях. Кроме того, в научный оборот вводится целый комплекс архивных документов, раскрывающий подробности организации археологических экспедиций на Керченский и Таманский полуострова в конце 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: репрессии, археологические экспедиции, идеологический контроль, наука, античные памятники Северного Причерноморья.

DOI: 10.31857/S086960630004828-9

1930-е годы — наименее изученное, но крайне важное в истории развития отечественной археологии десятилетие. Именно на это время приходится усиление идеологического контроля в науке, начало чисток в академических учреждениях и репрессий научного состава. Крупные дела, направленные против ученых и интеллигенции, такие как “Академическое дело” (1929–1930 гг.) и дело “Российской национальной партии” (1933–1934 гг.), привели к отстранению от науки, а в большинстве случаев и к физическому уничтожению большого количества видных отечественных ученых — историков, филологов-славистов, этнографов, археологов. На волне арестов по “Академическому делу” по подозрению в шпионаже был арестован и ученый-скифолог, научный сотрудник Государственного Эрмитажа (ГЭ) и Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) Григорий Иосифович Боровка. Биография этого исследователя не раз становилась объектом изучения современных исследователей. Так, в научных трудах В.Ю. Зуева тщательно изучена биография и исследовательская деятельность Г.И. Боровки

в Эрмитаже (Зуев, 1995; 1996). Е.Ю. Мавлеев в своей статье рассматривает научное сотрудничество и дружбу сотрудников Эрмитажа Г.И. Боровки и О.Ф. Вальдгауэра (Мавлеев, 1995). Информация о выставочной деятельности Г.И. Боровки в Эрмитаже представлена в статье А.Ю. Алексеева (1986). Информация о Г.И. Боровке содержится в Биобиблиографическом словаре востоковедов, ставших жертвами политического террора (Васильков, Сорокина, 2003). Сведения о заключении Г.И. Боровки в Ухт-Печерском лагере приводятся в работе Е.А. Зеленской (2004). Крайне важно отметить недавно вышедшую публикацию фотокolleкций Г.И. Боровки, собранной им во время руководства работой Монгольской экспедиции Академии наук в 1924–1926 гг. (Медведева, Чулуун, 2017).

Тем не менее до настоящего времени оставались неизвестными подробности целого года содержания Г.И. Боровки во внутренней тюрьме ОГПУ, детали следственного процесса и вынесения обвинения. Некоторые фрагменты из стенограмм допросов и показаний ученого во время его заключения собраны в

книге, посвященной биографии Г.И. Боровки, написанной его внучатой племянницей, проживающей в Германии (Zerbst-Boroffka, 2015). Однако это издание практически недоступно для отечественных исследователей¹.

В ходе работы автора со следственным делом Г.И. Боровки в Архиве Управления ФСБ

¹ Автор выражает благодарность заведующей Научным архивом ИИМК РАН Марии Владимировне Медведевой за возможность ознакомления с этой работой и ее автору, профессору Ирен Цербст-Боровка, за предоставленную в ходе написания статьи информацию.

по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Архив УФСБ по СПб и ЛО) были получены новые, не введенные в научный оборот данные. “Следственное дело № 918-31 — По обвинению Боровко Григория Осиповича” (П-74160) состоит из стенограмм допросов, написанных следователем от руки; личных показаний Г.И. Боровки, написанных им самим; машинописных документов: показаний А.М. Мерварта, отзывов о работе в Монгольской и Таманской экспедициях, а также следственных материалов ОГПУ (Протокол обыска и задержания, Анкета арестованного, Поста-

новление к привлечению в качестве обвиняемого и предъявление обвинения, Обвинительного заключения, справок о пересылке в Ухт-Печерский лагерь и др.). Необходимо оговориться, что по соображениям профессиональной этики представляется верным воздержаться от научно-исследовательской и личной оценки показаний и отзывов других лиц, данных в ходе следственных мероприятий по этому делу.

Григорий Иосифович Боровка (рис. 1) родился в 1894 г. в Санкт-Петербурге², в ноябре 1917 г. окончил классическое отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, после чего был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Учителями Г.И. Боровки стали М.И. Ростовцев, О.Ф. Вальдгауэр, Б.В. Фармаковский и С.А. Жебелев (более подробно см.: Зуев, 1995. С. 145–156). С 1918 г. по приглашению О.Ф. Вальдгауэра он был назначен ассистентом, а вскоре и хранителем эллино-скифского отделения ГЭ, а с 1919 г. вошел в научный состав ГАИМКа. В 1924 г. разрабатывал проект по археологическому исследованию Таманского полуострова, первоочередной задачей которого должно было стать выявление античных городищ, нуждающихся в охранных раскопках. По мнению Г.И. Боровки, такими памятниками являлись городище близ станции Сенной (Фанагория), Тамани (Гермонасса), а также Семибратнее городище и курганы. Помимо топографической фиксации планировалось проведение раскопок с целью установления границ памятников и выяснения стратиграфии. Все работы должны были сопровождаться зарисовкой, фотофиксацией, съемкой карт, планов и чертежей (НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1924. Д. 105. Л. 24). В ходе научной работы в Эрмитаже и ГАИМК Г.И. Боровка неоднократно осуществлял научные командировки: в 1924–1926 гг. в Монголию, в составе археологических экспедиций П.К. Козлова и С.А. Теплоухова; в 1928 г. на Таманский полуостров; в 1926, 1928, 1929 гг. в Берлин для научной работы, повышения

квалификации, организации выставок и, неофициально, для ведения переговоров по организации советско-германской экспедиции по изучению античных центров Тамани.

В 1930 г. археологическая экспедиция на Таманский полуостров состоялась, но только в составе советских исследователей. Несмотря на то что с 1926 г. на территории полуострова работали археологические экспедиции от РАНИОН и ГМИИ (Застрожнова, 2013; 2015), руководство ГАИМК организовало Таманскую экспедицию, начальником которой был назначен А.А. Миллер³. В научный состав вошли: А.А. Иессен⁴, Г.И. Боровка, Т.Н. Книпович⁵, А.П. Круглов⁶, Г.В. Подгаецкий⁷ и заведующий Темрюкским краеведческим музеем С.Ф. Войцеховский. Сотрудниками экспедиции было заложено несколько шурфов в прибрежной части Фанагории для выяснения уровня разрушения городища от береговой абразии и проведены археолого-топографические разведки от мыса Панагия до Бугазской косы и от Киммерийского вала до Пересыпи.

³ Миллер Александр Александрович (1875–1935) — археолог, кавказовед, этнограф, специалист в области палеоэтнологии. Директор (1917–1921) и руководитель этнографического отдела Русского музея (1908–1932). Арестован 7 сентября 1933 г. по делу “Российской национальной партии”, обвинен по ст. 58-6 и 58-10 УК РФ. Приговорен к пяти годам ИТЛ, с заменой на высылку через ПП ОГПУ в Казахстан на тот же срок, считая срок с 09.10.1933 г. Умер 12 января 1935 г. Реабилитирован 28 ноября 1996 г. (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695).

⁴ Иессен Александр Александрович (1896–1964) — археолог, специалист по археологии и истории Кавказа бронзового века. Старший научный сотрудник ГАИМК-ИИМК-ЛОИИМК-ЛОИА АН СССР, сотрудник Государственного Эрмитажа (1936–1955).

⁵ Книпович Татьяна Николаевна (1896–1976) — археолог, эпиграфист. Научный сотрудник ГАИМК (с 1920), научный сотрудник Эрмитажа (с 1924), профессор ЛГУ (1940). Руководитель Ленинградского отряда Ольвийской экспедиции (с 1948).

⁶ Круглов Андрей Павлович (1907–1941) — археолог-кавказовед. Старший научный сотрудник ГАИМК (1930–1935), научный сотрудник Эрмитажа (1934–1935). Находился под следствием (1935), был освобожден в связи с прекращением дела. Преподаватель исторического факультета ЛГУ. Погиб на фронте.

⁷ Подгаецкий Георгий Владимирович (1908–1941) — археолог-музеевед, специалист по бронзовому веку степной зоны Восточной Европы. Сотрудник ГАИМК-ИИМК АН СССР (1930–1941). Погиб в блокадном Ленинграде.

² Семья Г.И. Боровки состояла из отца, матери, двух братьев и сестры. В 1914 г. все члены семьи как германские подданные были высланы в Вологду, но Г.И. Боровка, приняв российское подданство, вернулся в Петроград, а остальная семья эмигрировала в Германию, поселившись в Берлине. Во время Гражданской войны один из братьев участвовал в организации “Балтийские немцы”, воевавшей на стороне Н.П. Юденича (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 17).

По возвращении из экспедиции, 20 сентября 1930 г., Г.И. Боровка был арестован в своей квартире на ул. Малая Посадская, д. 10/1, кв. 11 по обвинению в членстве в контрреволюционной монархической организации⁸. Обыск в квартире и задержание произвел уполномоченный второго Секретного отдела (СО) Н.Н. Лупандин⁹. Для передачи в ОГПУ были изъяты: личная переписка, фотографии и десять долларов. Отдельным актом были конфискованы: коллекционная винтовка (подарок отца) и шпага, врученная Г.И. Боровке по случаю окончания университета.

Через три дня после ареста, 23 сентября 1930 г., состоялся первый допрос, на котором ученый отметил свое отношение к советской власти как сочувствующее и указал, что считает себя учеником “профессора Ростовцева (белоэмигрант) и О.Ф. Вальдгауэра” (Архив

УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 17). Допрос вел следователь А.Р. Стромин¹⁰, и задаваемые им вопросы касались участия Г.И. Боровки в заграничных командировках, посещения германского консульства¹¹ и списка лиц, с которыми он контактировал, работая за границей. Перечислив в основном профессоров Берлинского университета и консула, Г.И. Боровка добавил, что “помимо перечисленных лиц я виделся с секретарем общества изучения Восточной Европы — Йонасом¹². Последнего я встретил в кабинете Шмидт-Отта¹³ во время моих переговоров с ним по вопросу организации германо-советской археологической экспедиции на Таманский полуостров”¹⁴ (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 19 об.).

25 октября 1930 г. в “Постановлении к привлечению в качестве обвиняемого” следователь по делу А.Р. Стромин указал, что в ходе

⁸ Во всех опубликованных работах, посвященных биографии Г.И. Боровки, указано, что он был арестован по заведомо ложным обвинительным показаниям Л.А. Мерварт, арестованной вместе с супругом, Александром Михайловичем Мервартом, по делу № 1803 «О контрреволюционной монархической организации “Всенародный союз борьбы за Возрождение свободной России”, руководимой академиком С.Ф. Платоновым (“Академическое дело”)». Показания были даны Л.А. Мерварт 19 марта 1930 г. Однако в дело Г.И. Боровки подшиты показания, данные против него самим Александром Михайловичем на допросе 5 мая 1930 г. Целесообразно привести здесь фрагмент, который имеет ключевое значение для всего дальнейшего процесса следствия: “С Боровко я познакомился на банкете в Европейской гостинице, данном АН [Академией наук] в честь Шмидт-Отта и Йонаса [1928]. От последнего я там узнал, что Боровко состоит информантом германской разведки и самостоятельно передает оным сведения, относящиеся к тем местностям, где он проводит командировки, — например Монголии, Южной России, ему, Йонасу, пользуясь для этой цели своими частными поездками в Германию” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 7). Известно, что эти сведения были получены под угрозой физической расправы над семьей Мервартов. Таким образом, еще до ареста Г.И. Боровки обвинение уже было выдвинуто и дело оформлено под № 918-31. А.М. Мерварт был также обвинен в шпионаже и приговорен к пяти годам ИТЛ. Умер в заключении 23 мая 1932 г. Реабилитирован в 1967 г.

⁹ Лупандин Николай Николаевич (1902–?) — следователь ОГПУ, сотрудник НКВД; проводил допросы по “Академическому делу” и делу “Российской национальной партии”. 7 июня 1949 г. уволен по состоянию здоровья в запас МГБ. Определением Военного трибунала Ленинградского военного округа от 28 ноября 1956 г. привлечен к ответственности за фальсификацию дел путем вымогательства личных признаний и ареста невиновных граждан, подвергнутых заключению в ИТЛ (Ашнин, Алпатов, 1994. С. 245).

¹⁰ Стромин Альберт Робертович (1902–1939) — майор ГБ. Окончил пять классов Екатеринославского коммерческого училища. С 1919 г. — в составе РККА, с 1920 г. — в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД. В 1925–1935 — в Секретно-политическом отделе Полномочного представительства ОГПУ по г. Ленинграду. С 1937 г. вошел в состав особой тройки НКВД, арестован в 1938 г., расстрелян в 1939. В реабилитации отказано (Петров, Скоркин, 1999).

¹¹ Ответ Г.И. Боровки на этот вопрос: “В германском консульстве в Ленинграде я бывал неоднократно начиная с 1920–1924 и с 1926–1929. Вначале я посещал консульство в связи с моей дружбой с сотрудницей консульства Ольгой Альфредовной Гесс” (подчеркнуто красной двойной линией в стенограмме допроса. — *Е.П.*)

¹² Йонас Ганс (1883–1931) — историк, специалист в области национальной экономики. Генеральный секретарь Немецкого общества по изучению Восточной Европы (1922–1930). В 1928 г. посещал Москву в рамках Недели советских историков (Непомнящий, 2016. С. 36). В издаваемом Обществом журнале “Osteuropa” публиковались статьи о политическом и экономическом положении в АССР немцев Поволжья и СССР, с конца 1920-х годов публикации стали носить все более критический характер (Krieger, Spack, 2006). В этом, вероятно, стоит усматривать причину того, что имя Г. Йонаса не раз всплывало в сводках показаний “шпионов”, арестованных НКВД во второй половине 1930-х годов.

¹³ Шмидт-Отт Фридрих (1860–1956) — юрист, правовед. Президент Общества содействия немецкой науке (1920–1934). В 1928 г. посещал Москву в рамках Недели советских историков, участвовал в проведении Русской исторической недели в Берлине (7–14 июля 1928 г.). В 1927–1930 гг. проводил переговоры с Ф.А. Брауном и С.Ф. Платоновым по организации советско-немецкой экспедиции для решения “готской проблемы в Крыму” (Непомнящий. С. 37).

¹⁴ Подчеркнуто. — *Е.П.*

допросов и рассмотрения следственных материалов “Г.И. Боровка изобличается в том, что принадлежит к контрреволюционной организации и систематически передает сведения о положении СССР представителям иностранного государства” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 26). О том, что он обвиняется по пунктам 4, 6 и 11 статьи 58 УК и о продлении срока ареста до окончания следствия, Г.И. Боровке было объявлено 2 ноября 1930 г.

Далее, судя по всему, находясь в камере, он писал очень развернутые дополнения к показаниям, всячески подчеркивая свое отношение к обширным научным контактам в Германии: “Немцев я не ощущаю как врагов советского государства, ощущая родственность их культуры... Откровенность в общении с немцами [обусловлена тем, что] не видел вреда в том, что расскажу о положении дел в Советском Союзе, не видел в немцах врагов. Кроме того, я сознаю, что рассказывал такие вещи, о которых говорить нельзя было вообще”¹⁵ (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 31). Далее следует пояснение: “В ходе встречи в Эрмитаже в кабинете О.О. Крюгера с немецким послом и его женой сказал об экономически тяжелом положении интеллигенции... В Берлине я говорил, что с убежденными коммунистами я работаю хорошо, говорил о продовольственных затруднениях, высоких ценах..., говорил, не отрицая трудностей, что жить нелегко, но мы живем и работаем” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 35).

Свои мотивы в части пункта обвинения о переговорах по проведению совместной экспедиции он описывает следующим образом: “В ходе разговора об экспедиции с президентом *Nortgemeinschaft* Шмидт-Оттом я указал на то, что желательным объектом в области античной археологии наряду с Ольвией является Таманский полуостров, как центр античных поселений Причерноморья. Я этого мнения держался уже давно, об этом говорили и у нас в ГАИМК, постоянно указывая на необходимость там работы. Тогда я это говорил как свое мнение, тогда я еще не был сам на Таманском полуострове” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 32 об.). Впервые на Тамани Г.И. Боровка побывал, как это было сказано выше, в 1928 г. и после этой поездки “убедился в исключительном богатстве древнего наследия и в ГАИМК по приезду указывал на необходимость исследования” (Архив УФСБ по СПб и

ЛО. П-74160. Л. 33). Далее в своих показаниях он сообщает ряд интересных подробностей организационного характера¹⁶: “когда председателем [ГАИМКа] стал товарищ Кипарисов¹⁷, я указал ему на готовность со стороны немцев к сотрудничеству в этом вопросе, и он обещал это выяснить и согласовать с конкретными органами в Москве. Перед моим отъездом в Берлин в 1928 году Кипарисов сказал переговорить еще раз о возможности организации такой экспедиции, что я и сделал, сообщив об этом Шмидт-Отту и Виганду¹⁸. В разговоре я упомянул, что некоторые памятники размываются морем и требуют первоочередного исследования, как Фанагория (район Сенного). Мне ответили, что средств на 1929 год уже нет, но в 1930 это возможно было бы организовать. В 1929 году мы также не предполагали проведения исследований, а в 1930 по общим причинам вопрос о сотрудничестве отпал. Я понимаю, что в свете создавшегося моего положения организация работ на Тамани может быть предосудительной и что я этим дискредитирую всех причастных людей, в том числе товарища Кипарисова. Но я делал это из научных побуждений, в интересах науки и Советского Союза” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 33-33 об.). Так, становится ясно, что это неофициальное поручение, данное ему Ф.В. Кипарисовым, сыграло не самую позитивную роль, совпав с формальной причиной его ареста и создав необходимый для обвинений прецедент.

Нетрудно предположить, что далее следствию необходимы были подробности “шпионажа” Г.И. Боровки в экспедициях, о чем он и допрашивался 2 декабря 1930 г. (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 40). На этом допросе им было сделано признание, касающееся сделанных им в экспедиции фотографий:

¹⁶ Ввиду важности содержания соответствующий фрагмент приводится полностью. — *Е.П.*

¹⁷ Кипарисов Федор Васильевич (1886–1936) — заместитель председателя (с 1929 г.), председатель ГАИМК (1935–1936). Расстрелян 19 декабря 1936 г. по обвинению в членстве в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации. Реабилитирован в 1957 г. (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819). В настоящее время неопубликованные раннее документы из следственного дела Ф.В. Кипарисова и С.Н. Быковского готовятся автором к публикации. — *Е.П.*

¹⁸ Виганд Теодор (1864–1936) — археолог, иностранный член-корреспондент Академии наук СССР (1927 г.). Президент Немецкого археологического института (1932–1936).

¹⁵ Подчеркнуто красной двойной линией. — *Е.П.*

“Должен еще признаться, что в экспедициях делал незаконные снимки в Монголии (см.: Медведева, Чуулун, 2017) и Крыму. На Тамани [снимал] виды берега Тузлы и два снимка берега у станицы Таманской, кроме того, я снимал виды курганов у Сенной и использовал их в своем докладе в ГАИМК. В Керчи снимал вид Керченской бухты с горы Митридат¹⁹ и вид курганов Юз-Обы. Последние снимки остались непроявленными, так как по приезде был сразу арестован. Делал я эти снимки не сознательно, хотя понимал, что совершаю преступление”²⁰ (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 45). 17 апреля 1930 г. на заседании Президиума ЦИК СССР было заслушано ходатайство ОГПУ о продлении срока содержания под стражей Г.И. Боровки до 1 июня 1931 г.

Далее необходимо остановиться на отзыве руководителя Таманской экспедиции А.А. Миллера о научной деятельности Г.И. Боровки, датированном 30 апреля 1931 г. В ходе ознакомления с этим документом не вызывает сомнений то, что он был подготовлен по непосредственному запросу ОГПУ для включения в материалы следственного дела (копия данного отзыва в материалах Научного архива ИИМК РАН отсутствует. — *Е.П.*).

Во вступительной части А.А. Миллер дает краткую характеристику археолого-топографических работ на Тамани до 1928 г., отмечая их низкий уровень “со стороны методики полевой археологической работы” в сочетании с личными разногласиями между московскими исследователями, принявшими характер “грубого столкновения со взаимными обвинениями”²¹ (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 51). Далее он отмечает поданную Г.И. Боровкой Записку о необходимости исследований на Таманском полуострове, о которой было сказано выше, оговариваясь, что в ней было “совершенно правильно указано, что работы, проводимые сейчас на Тамани, не решают те задачи, которые следует поставить во главу дела археологического изучения этой

местности”, но вместе с тем подчеркивает свое несогласие с Г.И. Боровкой в том, что “совершенно недопустимым было бы сужение задач до периода греческой городской жизни, тем более что поселения не были греческими в полном смысле этого слова, а представляли взаимодействие греков и варваров, бывших там ранее” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 52). Затем следует крайне подробное описание заседания в Главнауке в 1929 г., на котором формировался список экспедиций в СССР на 1930 г. От ГАИМКа на заседании присутствовали Н.Я. Марр и Ф.В. Кипарисов, от ГМИИ — директор В.П. Полонский и Л.П. Харко²², А.А. Миллер представлял Русский музей. Н.Я. Марр и Ф.В. Кипарисов заявили, что все дело постановки и проведения плановых работ на Таманском полуострове берет на себя ГАИМК, что явилось для А.А. Миллера “полной неожиданностью” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 53). Уже позже, в личном разговоре, Ф.В. Кипарисов сказал, что руководство экспедицией будет возложено на А.А. Миллера, и попросил его включить в состав экспедиции Г.И. Боровку для того, чтобы тот мог “серьезно заняться усвоением методики полевых археологических исследований”. А.А. Миллер отмечал: “Я вполне разделял эти мотивы и не возражал против включения Боровки в состав экспедиции. Но никаких самостоятельных работ поручать Боровке я не имел в виду” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 53). Таким образом, научный состав Фанагорийского отряда Таманской экспедиции ГАИМКа состоял из А.А. Миллера, как руководителя, А.А. Иессена — его заместителя, и научного состава: А.П. Круглова, Г.В. Подгаецкого, Т.Н. Книпович, Г.И. Боровки и С.Ф. Войцеховского. Отдельно А.А. Миллер отмечал наличие у экспедиции всех необходимых разрешений для проведения работы: “В пограничном отделе ГПУ мне было разрешено производить исследования в приграничной

¹⁹ Эта фотография была приложена в качестве вещественного доказательства к делу. В настоящее время фотография в деле отсутствует, сохранился только вклеенный конверт с надписью: “Вещдок. Вид с горы Митридат на Керченскую бухту” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 6/н).

²⁰ Подчеркнуто. — *Е.П.*

²¹ В данном случае А.А. Миллер имел в виду несогласованность действий в отношении исследования Фанагории между А.С. Башкировым и Л.П. Харко. — *Е.П.*

²² В архивных материалах Отдела рукописей ГМИИ имеются сведения о том, что руководство ГМИИ уведомило Главнауку о том, что собирается совместно с ГАИМК и Германским археологическим институтом проводить археологическую экспедицию на Таманском полуострове в 1930 г. (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 42. Л. 45). Не совсем понятно, когда именно ГМИИ сообщил об этом в Главнауку, на этом же заседании или ранее, однако четко прослеживается борьба между московскими и ленинградскими научными учреждениями за право проведения раскопок на Таманском полуострове. — *Е.П.*

полосе, причем об этом было дано письменное извещение уполномоченного ГПУ в Анапе для оповещения местных агентов на Таманском полуострове” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 54). Все виды работ, которые Г.И. Боровка выполнял в составе экспедиции, подробно описываются А.А. Миллером, как и даты всех его перемещений: “Боровка участвовал в работах отряда по исследованию территории от Панагии до Бугаза и Кизилташа, а также в разведочных подчистках в городище у станции Сенной и территориальных обследованиях в направлении так называемого Киммерийского вала с выходом к Азовскому побережью у Пересыпи, а также в обследовании берегов бывшего протока от Шимарданской бухты” и пр. (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 54). А.А. Миллер подчеркивает, что вынужден был уехать на время и оставил руководство Фанагорийским отрядом за Г.И. Боровкой, “однако, зная его слабую подготовленность, я поручил всю техническую сторону дела Круглову и Подгаецкому. После возвращения отряда в Тамань отчетных данных я от Г.И. Боровки не получил”. Касательно сделанных Г.И. Боровкой фотографий А.А. Миллер сообщил следующее: “Мне известно, что у него был небольшой фотоаппарат, его снимки я видел и раньше и находил их неудовлетворительными в техническом отношении. Вследствие этого для ответственных фотоснимков мною был командирован фотограф А.А. Гречкин, которым были сделаны нужные снимки и сданы мне в Ленинграде полностью... Приехав в Ленинград в октябре, я узнал, что Боровка арестован, но что касается расчисток в обнажениях Сенного городища, то все чертежи слоев находятся в материалах экспедиции, но никаких сведений об его территориальном обследовании до Пересыпи я не имею, как не имею и тех фотоснимков, которые были сделаны Боровкой на полуострове” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 55). Подводя итог, А.А. Миллер заключает, что никаких положительных результатов от участия Г.И. Боровки в экспедиции он отметить не может, но “в частных обсуждениях Боровка обнаруживал книжную подготовленность, а также владел хорошим знанием вещевого материала в Эрмитаже, но формально-типологический метод, которым пользуется при работе Боровка, при современных установках советской науки считается отжившим” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 56). Можно предположить, что подобный отзыв мог

только подхлестнуть следствие в стремлении к получению исчерпывающих показаний со стороны Г.И. Боровки.

Какие следственные меры проводились с самим ученым в период с декабря 1930 по июнь 1931 г., сказать сложно, так как стенограммы допросов за этот период отсутствуют. Есть несколько сохранившихся открыток, отправленных Е.Р. Малкиной²³ старшему брату Боровки, Францу Иосифовичу, переправленных в Потсдам. 11 января 1931 г. она пишет, что “Гори (Gori) жив и здоров, но не может написать вам и не чувствует в себе сил сделать это в ближайшее время” (Zerbst-Boroffka, 2015. Р. 242). Есть основания полагать, что период с января по начало июня 1931 г. были самым тяжелым временем заключения для Г.И. Боровки. По свидетельству ученых, прошедших содержание на время следствия в ДПЗ, прямое физическое насилие к обвиняемым во время дознаний и допросов применялось на тот момент достаточно редко. Крайне распространенными были меры психологического воздействия: лишение сна, заключение в карцер, ночные допросы, угрозы расстрела и расправы над семьей чередовались с неожиданным смягчением со стороны следователей и просьбами облегчить свою участь добросердечным признанием (Ашнин, Алпатов, 1994. С. 52). Такие способы давления могли чередоваться и продолжаться вплоть до полного признания осужденного. Скорее всего, к Г.И. Боровке применялись все эти приемы ведения следствия. Сравнивая его почерк в начале следствия и после более полугодового задержания, невозможно не отметить бросающихся в глаза изменений: стиль и манера письма изменены до неузнаваемости, предложения логически не связаны, буквы в одном слове разного размера, ручка царапает и в некоторых местах проходит насквозь через бумагу. Видимо, какие-то сообщения от Е.Р. Малкиной ему все же доходили, и он имел возможность на них отвечать, так как 5 апреля 1931 г. в письме родным она сообщает, “что ничего нового он по-прежнему сказать не может, но надеется, что он вскоре

²³ Малкина Екатерина Романовна (1898–1945) – научный сотрудник РАИМК (ГАИМК) и Государственного Эрмитажа. Ученица Ф.Ф. Зелинского и Б.В. Фармаковского. Коллега и близкий друг Г.И. Боровки. После его ареста уволилась из Эрмитажа, поступила на работу в Пушкинский Дом, где в 1939 г. защитила кандидатскую диссертацию, посвященную поэзии А.А. Блока. Убита в собственной квартире 01.01.1945 г. (Кашаев, 2009. С. 43).

сможет написать сам” (Zerbst-Boroffka, 2015. Р. 243).

Вероятно, вся мера человеческого терпения была уже исчерпана, поскольку 6 июня 1931 г. Г.И. Боровка из камеры, где он содержался (1 корпус, 222 камера. — *Е.П.*), подал следователю записку следующего содержания: “Повторяю свою просьбу от прошлого вторника принять меня. Я хочу сделать Вам полное признание” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 36). На следующем после этого допросе им были даны уточнения касательно сделанных на Таманском полуострове фотоснимков: “Поездку я сделал из Керчи в Темрюк, и оттуда на пароходе по Кубани была первой остановкой Варениковская станица. На лошадях вдоль левого берега Кубани [я добрался] до Семибратних курганов и городища около них, которое я и хотел обследовать. Я снимал [там], не выяснив, имею ли на это право” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 37). Далее следует перечень сделанных снимков: “За Темрюком с горы снял общий вид плавней Кубани, предполагая что в древности там был залив; снял также вид Семибратних курганов и городища. Снимки в Тамани были для меня необходимым материалом к моей теме об античной топографии. Ни одну из своих фотографий я не использовал в шпионских целях” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 37 об.) Отчаяние измученного человека в полной мере передают его дописанные от руки показания к стенограмме этого допроса: “Я не собирался, я не хотел скрывать — это все было бесполезно, потому что Вы, гражданин следователь, мне с самого начала давали понять, что Вы знаете о главном из этого. Я смутно чувствовал, что у меня могут быть еще грехи, но не признавался самому себе в этом, и потому я и струсил рассказать и не давал себе вспомнить и сознавать, и лишь последний допрос заставил меня понять свое положение и свои действия... Все это изложено может быть очень нескладно, но я не действовал изначально как шпион, я ничего не делал из корыстных целей вредить, несмотря на то, что фактически приносил вред²⁴” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 38 об.).

Однако далее, на протяжении месяца, для Г.И. Боровки ничего не изменилось, о чем косвенно свидетельствует сообщение Е.Р. Малкиной в Потсдам. 29 июня 1931 г. она сообщает, что “не писала все это время в надежде,

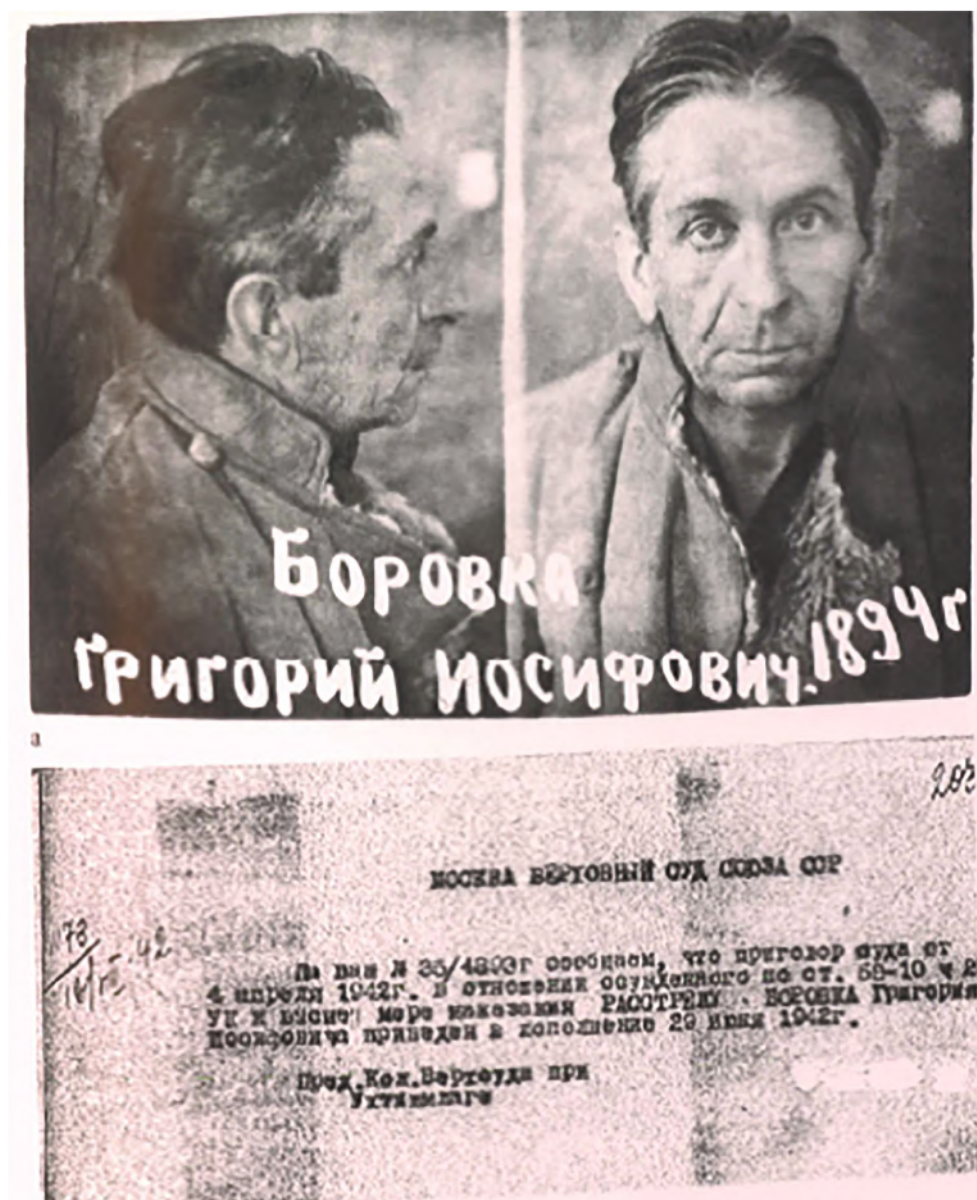
что я могу порадовать Вас чем-то, но пока не могу сказать ничего радостного. Все по-прежнему” (Zerbst-Boroffka, 2015. Р. 243). Можно предположить, что Е.Р. Малкина отправляла сведения родственникам сразу же после получения ответа от Г.И. Боровки, подтверждение чему можно найти в его очередной записке к следователю, поданной на следующий день, 30 июня: “Если то, что Вы мне вновь пропустили эти открытки Малкиной должно означать, что вопреки тому, что Вы мне так обреченно сказали, мое дело все-таки еще не кончено и я еще могу что-то сделать, то я прошу только как можно скорее меня вызвать. Боровка” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 60).

Показания на этом, последнем, допросе состоят из практически не связанных между собой предложений, касающихся когда-то обреченных Г.И. Боровкой слов в разговорах с немецкими исследователями и консулами: “Узнав, что я еду в Германию [консул] сказал — ну вот, Вы теперь будете в Германии, так расскажите там хорошенько про милые порядки здесь. И я ответил утвердительно... передавал сведения о тяжелом моральном положении интеллигенции и признал существующее недовольство в среде рабочих... говорил о реорганизациях и нескончаемых заседаниях, о том, как трудно устраивать выставки и суммы отпускаемые на это. О нехватке материалов на рынке. Своим родным я рассказывал это и откровенно о положении СССР”²⁵ (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 61–67). Этих показаний, которые на самом деле являлись констатацией фактов, оказалось достаточно, чтобы завершить следственную работу по данному делу.

21 июля 1931 г. было подготовлено Обвинительное заключение по следственному делу № 918-31 “по обвинению Боровко Г.И. в преступлении, предусмотренном ст. 58-6 УК”. В нем указано, что «настоящее дело было выделено из следственного дела № 1803 о контрреволюционной монархической организации “Всенародный союз борьбы за Возрождение свободной России”, руководимой академиком С.Ф. Платоновым» и “шпионской деятельностью агента германской секретной службы Мерварта А.М., в связи с уточнениями разведывательной работы обвиняемого Боровко Г.И., протекавшей в разных местностях СССР” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160.

²⁴ Подчеркнуто красным. — *Е.П.*

²⁵ Все подчеркнуто красным. — *Е.П.*

Л. 71). В процессе расследования выяснилось, “что археолог Боровка является также агентом германской разведки, пользующийся своим служебным положением и пребыванием в археологических экспедициях ГАИМК и АН СССР для ведения систематического и политического шпионажа” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 72). Отмечается, что “после упорного запирательства Боровка сознался в незаконном детальном фотографировании Керченской бухты, проливов и других стратегических местностей” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 73). Далее следуют полностью вырванные из контекста цитаты показаний, данные Г.И. Боровкой на последних допросах. В итоге “ПП ОГПУ в Ленинградском

военном округе, рассмотрев следственное дело № 918-31, постановило ходатайствовать перед Коллегией ОГПУ о применении в качестве меры социальной защиты к гражданину Боровка — заключение в концлагерь сроком на 10 лет” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 80).

Представляется достаточно странным, но приговор Г.И. Боровке был объявлен не сразу, так как 2 сентября Е.Р. Малкина пишет, что “Гори передает всем сердечные приветствия... но ничего нового сказать нельзя. Единственное, что я успокоилась касательно его питания, это удалось устроить очень хорошо” (Zerbst-Boroffka, 2015. Р. 243). 30 сентября она

сообщает следующее: “Тори здоров, я видела его трижды за неделю. Он питается сейчас гораздо лучше, стало возможно отправлять передачи (чего раньше не позволялось)”²⁶. У него есть несколько книг, так что он получил возможность заниматься делом... Я не знаю, когда все это закончится. Я очень верю, что все будет хорошо (в противном случае все было бы слишком глупо и несправедливо), но ждать очень трудно, один день тянется как два года” (Zerbst-Boroffka, 2015. Р. 244).

Как видно из документов, надеждам не суждено было оправдаться, на заседании коллегии ОГПУ от 7 октября 1931 г. ходатайство обвинения было принято и Г.И. Боровка был приговорен к 10 годам заключения в Ухт-Печерском лагере в г. Усть-Ухта. Но даже это решение, было объявлено ему не сразу, так как в письме от 11 октября 1931 г. Е.Р. Малкина пишет родным Г.И. Боровки, что свидание разрешают раз в неделю, но “как и раньше ничего не известно, остается только ждать и надеяться. Я не верю, что это может закончиться плохо, это было бы совсем несправедливо, но все равно очень трудно это все переносить” (Zerbst-Boroffka, 2015. Р. 245). Судя по всему, не стало известно о приговоре и через месяц. 4 ноября 1931 г. Е.Р. Малкина уведомляет, что “ничего нового не могу сказать о Гори, я вижу его почти каждую неделю, он посылает вам сердечные приветы” (Zerbst-Boroffka, 2015. Р. 245). Последним документом в следственном деле является справка, как ни странно, не датированная, об отправке ученого в лагерь: “Боровко отправить первым отходящим этапом в г. Архангельск в распоряжение Начальника перевалочного пункта для переотправки на Ухту. Свидание разрешается на общих основаниях” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 82). 15 ноября Г.И. Боровка выбыл из Ленинграда и находился некоторое время в перевалочном лагере в Вологде, где его навещала несколько раз Е.Р. Малкина. Следующим этапом он уже был направлен в поселок Чибью (с 1939 г. – Ухта). В Ухт-Печерском лагере он продолжал заниматься любой доступной ему научной деятельностью: читал лекции на геологических курсах, собрал в районе р. Ухты большую археологическую коллекцию, занимался палеонтологией. Часть срока провел в лагерных больницах,

по истечении заключения, 21 сентября 1940 г., освобожден из лагеря, но не выпущен из Коми АССР (Васильков, Сорокина, 2003). Работал геологом при Ухтомском комбинате. 6 ноября 1941 г. Г.И. Боровка был вторично арестован, а 4 апреля 1942 г. по ст. 58-10 приговорен Московским верховным судом к высшей мере наказания и 29 июня этого же года расстрелян (рис. 2) (Zerbst-Boroffka, 2015). Реабилитирован 11 сентября 1989 г.

Таким образом, проследив весь следственный путь Г.И. Боровки в тюрьме ОГПУ, работая непосредственно с делом, анализируя все группы архивных документов, нельзя не поразиться трагизму человеческой судьбы и бессмысленности репрессий, уничтожавших интеллектуальную составляющую собственной страны. Обвинительные показания против него – происхождение из немецкой семьи, частые заграничные командировки, участие в экспедициях, переговоры с немецкими исследователями о совместном проведении археологических исследований – все эти факторы повлияли на то, что Г.И. Боровка был в буквальном смысле обречен с момента своего ареста. Не совсем понятна причина столь долгого срока его заключения от момента ареста до вынесения обвинения, ведь у следствия уже спустя несколько месяцев после задержания было достаточно материалов для вынесения приговора. Возможно, по делу проходили еще какие-то лица, информация о которых была недоступна в ходе работы с архивным делом.

Таким образом, кроме восполнения пробелов такого драматичного этапа в биографии Г.И. Боровки были получены важные сведения, касающиеся научных сотрудников ГАИМКа, вектора репрессий по отношению к ним, организации археологической экспедиции на Таманский полуостров и общих направлений в развитии отечественной науки.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Следственное дело № 918-31 по обвинению Боровко Григория Осиповича // Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160.

Следственное дело по обвинению А.А. Миллера. Т. 1. Следственное дело № 12325 по обвинению Фриде Марии Алексеевны и других. Т. 5 // Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695.

Дело № 21766. Кипарисов Федор Васильевич. Т. 1 // Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819.

²⁶ Можно предположить, что на допросах ему было обещано некоторое ослабление режима в случае дачи им исчерпывающего признания. — Е.П.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.* Эллино-скифское отделение и выставка 1927 г. // Античное искусство в советском музееведении. Л.: GE, 1986. С. 59–66.
- Аншин Ф.Д., Алпатов В.М.* “Дело славистов”: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.
- Васильков Я.В., Сорокина М.Ю.* Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 496 с.
- Застрожная (Панкратова) Е.Г.* Из истории археолого-топографического изучения Фанагории в 1921–1929 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. Вып. 2(40). С. 50–54.
- Застрожная (Панкратова) Е.Г.* Проекты РАИМК/ГАИМК по организации Фанагорийской экспедиции в 1920-х годах // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания. Тезисы докладов межд. научной конференции. 2015. С. 22, 23.
- Застрожная (Панкратова) Е.Г.* Репрессии 1930-х годов и исследователи античного наследия Крыма // Античные реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Матер. междунар. науч. конференции. 2017. С. 84–87.
- Зеленская Е.А.* Лагерное прошлое Коми края (1929–1955 гг.) в судьбах и воспоминаниях современников. Материалы, документы, воспоминания, фотографии: в помощь изучающим историю репрессий 1920–1955 гг. Ухта, 2004. 180 с.
- Зуев В.Ю.* Материалы к биографии Григория Иосифовича Боровки (1894–1941) // Санкт-Петербург и отечественная археология. 1995. С. 145–156.
- Зуев В.Ю.* Судьба эрмитажника: Григорий Иосифович Боровка (1894–1941) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. 1996. С. 29–32.
- Кашаев С.В.* Сотрудники отдела истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественников в РАИМК–ГАИМК–ЛОИИМК–ЛОИА (1919–2009 гг.) // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2009. № 4. С. 37–49.
- Мавлеев Е.Ю.* Г.И. Боровка (1894–?) и О.Ф. Вальдгауэр (1883–1935): история одной эрмитажной дружбы // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. 1995. С. 31, 32.
- Медведева М.В., Чулуун С.* Монголия и мир монголов 1920-х годов // Монголия и монголы. История монголов в фотографии / Сост. Медведева М.В., Чулуун С. Т. 3. Улаанбаатар; СПб.: Адмон Принтинг, 2017.
- Непомнящий А.А.* Академик С.Ф. Платонов — куратор изучения крымских памятников в 20-е годы XX в. // Уваровские Таврические чтения “Древности Юга России”. Тезисы докладов и сообщений Междунар. научной конференции. 2016. С. 36, 37.
- Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. 1934–1941. М.: Звенья, 1999.
- Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. М.: Знак. 2006. 344 с.
- Krieger V., Spack A.* Prozess gegen wolgadeutsche Intellektuelle // Volk auf dem Weg. 2006. № 4. P. 16, 17.
- Zerbst-Boroffka Irene.* Leben und Wirken des deutsch-russischen Forschers Gregor Boroffka (1894–1942). Briefe (1913–1935) an die Familie aus Russland nach Deutschland. Hamburg, 2015. 324 p.

“I DON’T BELIEVE ALL THIS COULD GO BAD, IT WOULD BE TOO UNFAIR...”: TO THE BIOGRAPHY OF THE ARHAEOLOGIST G.I. BOROVKA (BASED ON IVESTIGATION FILE MATERIALS)

E.G. Pankratova (Zastrozhnova)

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

E-mail: pankratova0484@yandex.ru

The beginning of the 1930s in the history of Russian archeology was marked by the strengthening of ideological control in science and repressions of the scientific staff of Leningrad institutions on “Academic Court case” (1929–1930). One of the many innocent convicts was specialist in Scythian culture, researcher of the Hermitage and the State Academy of History of Material Culture, Grigorij Borovka. On the basis of previously inaccessible materials from the Archives of the Federal Security was restored the investigative process for the imposition of G. Borovka charges of espionage and his conviction for 10 years in labor camps. In addition, a whole complex of archival documents is introduced into scientific circulation, revealing the details of the organization of archaeological expeditions to the Kerch and Taman Peninsula in the late 1920s–1930s.

Keywords: repression, archaeological expedition, ideological control, science, ancient centers of the North Coast of the Black Sea.

REFERENCES

- Alekseyev A.Yu.*, 1986. The Hellenic-Scythian Department and the exhibition of 1927. *Antichnoye iskusstvo v sovetskom muzeyevedenii* [Antique art in Soviet museology]. Leningrad: GE, pp. 59–66. (In Russ.)
- Anshin F.D., Alpatov V.M.*, 1994. “Delo slavistov”: 30-e gody [“The Case of the Slavists”: the 1930s]. Moscow: Nasledie. 284 p.
- Formozov A.A.*, 2006. Russkiye arkheologi v period totalitarizma [Russian archaeologists in the period of totalitarianism]. Moscow: Znak. 344 p.
- Kashayev S.V.*, 2009. Employees of the Department of the History of Ancient Culture of the Institute for the History of Material Culture RAS and its predecessors in Russian Academy of the History of Material Culture – Leningrad Branch of the Institute for the History of Material Culture – Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (1919–2009). *Zapiski Instituta istorii material’noy kul’tury RAN* [Notes of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Записки Института истории материальной культуры РАН], 4, pp. 37–49. (In Russ.)
- Krieger V., Spack A.*, 2006. Prozess gegen wolgadeutsche Intellektuelle. Volk auf dem Weg. 4, pp. 16–17.
- Mavleyev E.Yu.*, 1995. G.I. Borovka (1894–?) and O.F. Valdgauer (1883–1935): The story of a Hermitage friendship. *Ermitazhnyye chteniya pamyati B.B. Piotrovskogo* [Hermitage Readings in memory of B.B. Piotrovsky]. St.Petersburg: GE, pp. 31–32. (In Russ.)
- Medvedeva M.V., Chuluun S.*, 2017. Mongolia and the world of the Mongolians of the 1920s. *Mongoliya i mongoly* [Mongolia and Mongolians]. M.V. Medvedeva, S. Chuluun, comp. Ulaanbaatar; St.Petersburg: Admon Printing, pp. 18–23. (History of mongols in photographs, 3). (In Russ.)
- Nepomnyashchiy A.A.*, 2016. Academician S.F. Platonov – the curator of the investigation of the Crimean sites in the 1920s. *Uvarovskiye Tavricheskiye chteniya “Drevnosti Yuga Rossii”*: tezisy dokladov i soobshcheniy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Uvarov Tavric readings “Antiquities of the South of Russia”: Proceedings of the International Scientific Conference]. Sevastopol’, pp. 36–37. (In Russ.)
- Petrov N.V., Skorkin K.V.*, 1999. Kto rukovodil NKVD, 1934–1941: spravochnik [Who is who in the NKVD leadership, 1934–1941: a reference book]. Moscow: Zven’ya. 502 p.
- Vasil’kov Ya.V., Sorokina M.Yu.*, 2003. Lyudi i sud’by: biobibliograficheskiy slovar’ vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991) [People and fates: A Biobibliographical dictionary of orientologists – victims of political terror during the Soviet period (1917–1991)]. St.Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. 496 p.
- Zastrozhnova (Pankratova) E.G.*, 2013. From the history of the archaeological and topographical studies on Phanagoria in 1921–1929. *Problemy istorii, filologii, kul’tury* [Journal of historical, philological, and cultural studies], 2(40), pp. 50–54. (In Russ.)

- Zastrozhnova (Pankratova) E.G.*, 2015. Russian Academy of the History of Material Culture / State Academy of the History of Material Culture projects on the organization of the Phanagoria Expedition in the 1920^s. Uchenyye i idei: stranitsy istorii arkheologicheskogo znaniya: tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Scientists and ideas: Chapters of the history of archaeological knowledge: Abstracts of the International Scientific Conference]. S.V. Kuz'minykh, comp., P.G. Gaydukov, I.V. Tunkina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 22–23. (In Russ.)
- Zastrozhnova (Pankratova) E.G.*, 2017. Repressions of the 1930^s and researchers in the ancient heritage of the Crimea. Antichnyye relikvii Khersonesa: Otkrytiya, Nakhodki, Teorii: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Antique relics of Chersonese: Discoveries, finds, theories: Proceedings of the International Scientific Conference]. D. Kostromichev, ed. Sevastopol', pp. 84–87. (In Russ.)
- Zelenskaya E.A.*, 2004. Lagernoye proshloye Komi kraya (1929–1955 gg.) v sud'bakh i vospominaniyakh sovremennikov. Materialy, dokumenty, vospominaniya, fotografii [Prison and labour camps in the past of Komi Territory (1929–1955) in the fates and memories of contemporaries. Materials, documents, memories, photos]. Ukhta. 180 p.
- Zerbst-Boroffka I.*, 2015. Leben und Wirken des deutsch-russischen Forschers Gregor Boroffka (1894–1942). Briefe (1913–1935) an die Familie aus Russland nach Deutschland. Hamburg: Verlag Dr. Kovac. 324 p.
- Zuyev V.Yu.*, 1995. Materials to the biography of Grigory Iosifovich Borovka (1894–1941). Sankt-Peterburg i otechestvennaya arkheologiya [St. Petersburg and Russian archaeology]. I.L. Tikhonov, ed. St.Petersburg: SPbGU, pp. 145–156. (In Russ.)
- Zuyev V.Yu.*, 1996. The fate of a Hermitage employee: Grigory Borovka (1894–1941). Ermitazhnyye chteniya pamyati B.B. Piotrovskogo [Hermitage Readings in memory of B.B. Piotrovsky]. St.Petersburg: GE, pp. 29–32. (In Russ.)